

В XI в., в период становления феодального способа производства, по всей стране прокатилась широкая волна восстаний смердов. В XII в. вспыхнули городские восстания, активное участие в которых приняли жители сел и деревень.

Подобно всем большим социальным движениям средневековья, восстания смердов и горожан принимали характер религиозной борьбы и были направлены против христианской церкви и ее представителей. В сознании народа успехи христианства всегда связывались с ростом феодальной эксплуатации, и совершенно естественно, что во главе восставших оказались adeptы старой языческой веры — волхвы. Реакционные по форме восстания смердов-волхвов были объективно прогрессивны, так как способствовали развитию общества.³²

Если в борьбе с двоеверием церковь использовала метод кнута и пряника, больше действовала принуждением и убеждением, то в борьбе с восставшими смердами и горожанами главными орудиями были меч и огонь. Волхв в глазах церковников стал настолько одиозной фигурой, что казнь его была возможна без суда и следствия. Церковники сделали все возможное, чтобы развенчать волхвов, представить их в самых темных красках. Даже общение с волхвами рассматривалось как преступление, за которое полагалась соответствующая кара.

Учитывая конкретную обстановку второй половины XII в., можно понять некоторые особенности образа Всеслава, созданного автором «Слова». Нет оснований сомневаться в том, что ортодоксальный христианин не мог создать такой образ. Однако и язычник также не мог вылепить его. Можно предположить, что автором этого сложного образа, а вместе с ним и всего «Слова о полку Игореве» мог быть один из «двоеверно живущих книжников», на которых так нападал составитель «Слова некоего христолюбца». Такое предположение позволяет удовлетворительно объяснить не только многие специфические особенности образа Всеслава, но и всего «Слова» в целом.

Так, например, неслучайным оказывается весьма своеобразный словарный запас автора, значительное место в котором занимают слова и художественные образы, взятые из представлений дохристианской эпохи. Русских, которых киевский митрополит Иларион с гордостью называл «новыми людьми», просвещенными светом христианского учения, автор «Слова» упорно называет внуками языческого бога Дажбога. Русскую землю, крещение которой состоялось около двухсот лет назад, автор определяет как землю языческого бога Трояна.³³ Ветры называются внуками Стрибога, вещий Боян — внуком Велеса и т. д.

Такое смешение христианских и языческих мотивов было чрезвычайно характерно для двоеверия XII в.

Образ князя-оборотня, совершенно немыслимый в христианской литературе, был вполне закономерен в произведении, проникнутом духом двоеверия. В прозрачных для современников намеках на киевские события

³² Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. — Исторический журнал. М., 1940, № 2, 54—61; А. В. Арциховский, С. В. Киселев. К истории восстания смердов 1071 г. — Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933, № 7—8, стр. 53—54; В. В. Мародин. К вопросу о восстаниях смердов. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л., 1934, № 6, стр. 76—83; А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Сузdalской и Смоленской землях. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л., 1934, № 11—12, стр. 35—60.

³³ А. Бодура Троян «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 34.